

— *Naïve enfant!*—донесся голосъ Ногайцева; онъ слышалъ весь разговоръ.—*Naïve enfant!* Чѣмъ же мы отличаемся отъ Европы?.. Въ этомъ наша гордость... Братушекъ освобождаемъ, а на просьбахъ у насъ денной грабежъ! *N'est-ce pas, mon gendre?*

Рынинъ даже не улыбнулся. Онъ въ обхожденіи своемъ съ Ногайцевымъ былъ таковъ, точно будто на Мартына Лукича онъ смотритъ какъ на умалишеннаго, въ полномъ разстройствѣ.

Докторъ подумалъ: „Папа-то, право, поумнѣлъ. Хотя бы и не паралитику въ пору“.

Лукашинъ зналъ, что Мартыну Лукичу не миновать прогрессивнаго паралича.

— Вотъ я и готовъ!

Мартынъ Лукичъ стоялъ опять въ дверяхъ. Онъ надѣлъ короткую, черную визитку и жилетъ изъ клѣтчатаго пикѣ. По тому, какъ онъ повязалъ галстухъ, Ногайцевъ смотрѣлъ франтоватымъ москвичемъ шестидесятихъ годовъ. Все на немъ сидѣло хорошо и было новое и чистое. Зина помнила, какимъ отрепаннымъ приѣзжалъ онъ когда-то за границу. Особенно ярко держался у нея въ памяти гороховый макфарланъ съ развѣвавшимися рукавами, весь закапанный и выцвѣтшій. Другіе, хотя и во временномъ сумасшествіи, дѣлаются обыкновенно еще неряшливѣе, а ея отецъ исправился. Хотя это не много мирило ее съ нимъ.

— И ты съ нами?—обратился къ ней Ногайцевъ.

— Куда?—все также суховато-утомленно спросила Зина.

— Да что вы глухіе что-ли оба?.. Или это такъ у васъ въ гранъ-мондѣ что-ли дѣлается? Чтобы три раза объ одномъ и томъ же переспрашивать! Куда?—уже сердитѣе выговорилъ онъ: —Къ африканкамъ!—Ногайцевъ выкрикнулъ это слово и прицѣлнулъ пальцами.

— Къ фараонову племени, небось, Мартынъ Лукичъ?—понялъ Лукашинъ и разсмѣялся.

— Именно! Лукашинъ, я васъ, душа моя, не приглашаю: вы состоите при той муміи, при моемъ бо-фрерѣ—*à la mode de Bretagne*,—прибавилъ онъ.

Обернувшись къ зятю,—тотъ уже курилъ папиросу-пушку,—Ногайцевъ продолжалъ, все еще стоя въ дверяхъ спальни:

— Послѣ французскаго погрома, когда Наполеона сцапали въ полонъ и въ Парижѣ краснаго пѣтуха пустили господа комунары, умнѣйшій малый изъ хроникеровъ... не помню, гдѣ писалъ, кажется въ „*Figaro*“,—объяснялъ мнѣ: „Мы,—говорить,—*monsieur le comte*“—это онъ меня такъ величалъ... а я ничего, не брыкался...